

ОШО

ЖИЗНЬ, ЛЮБОВЬ, СМЕХ

Превращая жизнь в праздник

Osho

Бхагаван Шри Раджниш (Ошо)
Жизнь, любовь, смех.
Превращая жизнь в праздник
Серия «Путь мистика»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8966891

Ошо. Жизнь, любовь, смех. Превращая жизнь в праздник: ИГ «Весь»;

Санкт-Петербург; 2014

ISBN 978-5-9573-1711-1

Оригинал: "Life, Love, Laughter "

Перевод:

А. А. Макарова

Аннотация

В этой книге собраны беседы, взятые из разных источников и объединенные в тему жизни, любви и смеха – трех явлений, которые Ошо считал для человека самыми важными. Жизнь – это то, что уже случилось и является основой всего, любовь – это самое прекрасное из того, что еще может случиться, а смех – то, что расслабляет, приземляет, возвращает к реальности и придает реальности вкус.

Мастер помогает нам вспомнить о том, что жизнь не является настолько уж серьезным и тяжелым делом, каким привыкли ее считать большинство людей, и предлагает взглянуть на нее другими глазами.

«Я против любой серьезности. Весь мой подход основан на юморе, потому что чувство юмора – это самое прекрасное духовное качество. Не истина, не бог, не добродетель – но чувство юмора. Если мы заполним всю землю смехом, танцами и пением, танцующими и поющими людьми, если мы превратим всю землю в карнавал радости, фестиваль огней, мы впервые принесем на землю истинное чувство религиозности.

Мир – это игра бога, космическая шутка. И пока вы не познаете его как космическую шутку, вы не сможете познать его главную тайну».

Содержание

Жизнь	6
Перво-наперво: выпейте чашку чая!	7
Ни начала, ни конца	31
Вопрос жизни и смерти	35
Отбрасывайте прошлое каждое мгновение	71
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Ошо
Жизнь, любовь,
смех. Превращая
жизнь в праздник

Под редакцией *М. В. Елинского* и *М. В. Колесниковой*

ОШО является зарегистрированной торговой маркой и используется с разрешения Osho International Foundation; www.osho.com/trademarks

ЖИЗНЬ

Жизнь сама по себе не имеет смысла. Она имеет смысл, только если вы можете петь песню вечности, если можете источать некий аромат божественного, благодатного, если можете стать цветком лотоса – бессмертным, вне времени. Если вы можете стать чистой любовью, если можете принести красоту в это бытие, если способны быть благословением для него, только тогда жизнь имеет значение, иначе она бесцельна. Она как чистый холст: его можно нести целую жизнь и умереть под его тяжестью, но для чего? Нарисуйте на нем что-нибудь!

В жизни должен быть найден смысл; смысл не дается готовым. Вам дана свобода, дано творчество, дана жизнь. У вас есть все необходимое, чтобы создать смысл. Все основные компоненты смысла даны, но сам смысл не дан, он должен быть сотворен вами. Вам самим нужно стать творцом. И когда вы сами становитесь творцом, вы творите вместе с Богом, становитесь его частью.

(Из «Книги Мудрости», беседа 17)

Перво-наперво: выпейте чашку чая!

Дзенская притча:

Джошу, мастер дзен, спросил монаха, только прибывшего в монастырь:

– Мы встречались с тобой раньше?

Тот ответил:

– Нет, господин.

Джошу сказал:

– Тогда выпей чашку чая.

Джошу повернулся к другому монаху:

– Мы встречались с тобой раньше?

Второй монах ответил:

– Да, господин, конечно, встречались.

Джошу сказал:

– Тогда выпей чашку чая.

Позже управляющий монастыря спросил Джошу:

– Почему на любой ответ вы предлагаете чашку чая?

Тут Джошу закричал:

– Управляющий, ты все еще здесь?

– Конечно, мастер, – ответил управляющий.

– Тогда выпей чашку чая, – сказал Джошу.

Притча проста, но понять ее нелегко. Так всегда. Чем проще что-то, тем труднее это понять. Для понимания требует-

ся нечто сложное, чтобы можно было анализировать и разделять. Простое не поддается ни анализу, ни делению – делить и анализировать нечего, предмет слишком прост. Самое простое всегда ускользает от понимания, именно поэтому бога нельзя понять. Бог очень прост – он самое простое из всего, что может быть. Мир можно понять – он весьма сложен. Чем сложнее предмет, тем больше пищи для ума. Но когда предмет прост, зацепиться не за что, для ума нет работы.

Логика говорит, что простые свойства вещей невозможно определить. Например, кто-то спросит вас, что такое желтый. Желтый цвет – это такое простое свойство, – как вы его определите? Вы скажете: «Желтый – это желтый». Человек возразит: «Это мне известно, но как определить желтый?» Говоря: «Желтый – это желтый», вы не даете определение, вы просто повторяете одно и то же. Это тавтология.

Дж. И. Мур, один из глубочайших мыслителей нашего века, написал книгу «Принципы этики», целиком посвященную определению добра. Он пытался дать определение добра на протяжении двухсот-трехсот страниц текста, подходя к этому понятию с разных сторон, – а двести или триста страниц Дж. И. Мура равносильны трем тысячам страниц любого другого писателя, – и в конце он пришел к заключению, что добро неопределимо. Его нельзя определить – настолько это простое качество. Когда что-либо является сложным, оно состоит из многих компонентов, и тогда можно опреде-

лить одно через другое. Если мы с вами находимся в комнате, и вы спрашиваете меня: «Кто вы?» Я, по крайней мере, могу сказать, что я – это не вы. Это станет определением, обозначением. Но если в комнате я один, и я спрашиваю себя: «Кто я?» Вопрос есть, а ответа нет... Как это определить?

Поэтому бог неуловим. Интеллект отрицает его, рассудок говорит «нет». Бог – это простейший знаменатель всего сущего, самый простой и самый главный. Когда ум останавливается, не остается ничего, кроме бога, – как тогда его определить? Он один в комнате. Вот почему религии пытаются разделять – тогда становится возможным давать определения. Они говорят: «Этот мир не то же самое, что иной, Бог – это не мир, Бог не материя, Бог не тело, Бог не желание». Все это способы определения.

Нужно противопоставить одно другому, тогда возможно провести границу. Как провести границу, если соседа нет? Где вы разместите ограду своего дома, если соседей нет? Ограда имеет смысл, когда вокруг соседи, а если рядом никого нет – тогда как поставить ограждение? Бог один – у него нет соседей. Где он начинается? Где он заканчивается? Нигде. Разве можно определить бога? Дьявол был создан только для того, чтобы дать определение богу. «Бог не дьявол», – хотя бы это можно утверждать. Если невозможно сказать, что такое бог, то, по крайней мере, можно сказать, чем он не является: «Бог – это не мир».

Я только что читал книгу одного христианского богосло-

ва, который утверждает, что бог – это все, за исключением зла. Этого тоже достаточно для определения. Он говорит: «...все, за исключением зла» и тем самым уже проводит границу. Он не осознает, что если бог – это все, тогда откуда появляется зло? Должно быть, оно исходит из всего. В противном случае есть какой-то другой источник существования, кроме бога, и этот источник становится равным богу. Тогда зло невозможно уничтожить – у него есть собственный источник существования. Ведь получается, что зло не зависит от бога, тогда как бог может его уничтожить? Бог его не уничтожит. Если зло уничтожено, богу невозможно дать определения. Чтобы определить бога, надо, чтобы дьявол всегда находился рядом. Святые нуждаются в грешниках, иначе первые не смогли бы существовать. Как узнать, кто является святым? Каждому святому рядом необходимы грешники – эти грешники проводят границу.

Прежде всего, надо понять, что для понимания доступны только сложные вещи, простые – нет. Простая вещь – сама по себе, она единична. Эта дзенская притча о Джошу очень проста. Она настолько проста, что ускользает от вас. Вы пытаетесь поймать ее, ухватить, а она ускользает. Она так проста, что ваш ум не может думать о ней. Попробуйте ее почувствовать. Я не говорю, понять, – потому что вы не можете понять ее. Постарайтесь ее почувствовать – и тогда вы обнаружите в ней много смыслов. Если же вы будете пытаться понять ее, ничего не выйдет – весь рассказ покажется аб-

сурдным.

Джошу увидел одного монаха и спросил: «Мы встречались с тобой раньше?» Тот ответил: «Нет, господин, этого не может быть. Я пришел впервые, я посторонний – вы не могли видеть меня раньше». Джошу сказал: «Тогда выпей чашку чая». Потом он спросил другого монаха: «Я видел тебя раньше?» Монах ответил: «Да, господин, должно быть, вы видели меня раньше. Я всегда был здесь, я не посторонний». Этот монах, должно быть, был учеником Джошу, и Джошу сказал: «Хорошо, тогда выпей чашку чая».

Управляющий монастыря был озадачен: двум разным людям нужно было ответить по-разному, требовались два разных ответа. Но Джошу ответил одинаково и постороннему, и другу; тому, кто пришел первым, и тому, кто находится там постоянно. Знакомому и незнакомому Джошу ответил одинаково, не сделав никакого различия. Он не сказал первому: «Ты гость. Добро пожаловать! Выпей чашку чая». Он не ответил второму монаху: «Ты всегда был здесь, поэтому нет необходимости предлагать тебе чай». И он не сказал также: «Ты постоянно находишься здесь, поэтому мне не нужно тебе отвечать».

Знание порождает скуку; вы никогда не воспринимаете то, что хорошо вам знакомо. Вы никогда не смотрите на свою жену. Она рядом долгие годы, и вы совершенно забыли о том, что она существует. Какое лицо у вашей жены? Когда вы

смотрели на него в последний раз? Должно быть, вы совсем забыли, как она выглядит. Если вы закроете глаза и станете медитировать и вспоминать, возможно, вы вспомните то ее лицо, на которое когда-то взглянули впервые. Но ваша жена – это поток, река, она постоянно меняется. Ее лицо изменилось, она стала старше. Река все течет и течет. Новые изгибы появились, тело изменилось. Смотрели ли вы на нее последнее время? Ваша жена так знакома вам, что нет необходимости на нее смотреть. Мы смотрим на непривычное, на то, что удивляет нас, что выглядит необычным. Говорят, что знакомое порождает пренебрежение, порождает скуку.

Я слышал одну историю.

Два очень богатых бизнесмена отдыхали на пляже в Майами. Они загорали. Один сказал: «Я не могу понять, что люди находят в актрисе Элизабет Тейлор. Я не понимаю, что в ней такого, почему все сходят от нее с ума. В чем дело? Если убрать ее глаза, убрать волосы, губы, фигуру – что от нее останется?» – «Моя жена – вот что останется», – погрузившись, ответил второй.

Это то, что стало с вашей женой или с вашим мужем, – ничего не осталось. Из-за привычки исчезло все. Ваш муж – это привидение, ваша жена – привидение. Без губ, без глаз – просто какая-то уродина. Но ведь так было не всегда. Когда-то вы полюбили эту женщину. Но этого мгновения боль-

ше не существует, теперь вы совсем не смотрите на нее. Мужья и жены стараются не смотреть друг на друга. Я гостил во многих семьях и наблюдал, как мужья и жены избегают смотреть друг другу в лицо. Они придумали много игр для того, чтобы этого избегать; когда они наедине, они ощущают неловкость. Гостю всегда рады, потому что оба могут смотреть на него и прятаться друг от друга.

Джошу кажется совершенно иным. Он ведет себя одинаково и с посторонним, и со знакомым. Монах говорит: «Я всегда был здесь, господин, вы хорошо меня знаете». И Джошу отвечает: «Тогда выпей чашку чая». Управляющий не мог понять. Все управляющие глупы. Чтобы управлять, нужен глупый ум. Управляющий не может быть глубоко медитативным. Это трудно: ему нужно быть точным, расчетливым; нужно разбираться в том, что происходит в мире, и устраивать дела в соответствии с этим. И управляющий обеспокоился: что это, что происходит? Все выглядело нелогичным. Можно предложить чашку чая постороннему, но ученику, который постоянно здесь, зачем? Поэтому управляющий спросил: «Почему разным людям вы даете одинаковые ответы?»

Джошу громко закричал: «Управляющий, ты здесь?» Тот ответил: «Да, господин, конечно, я здесь». – «Тогда выпей чашку чая», – сказал Джошу.

Этот прогремевший вопрос: «Управляющий, ты здесь?» – взывает к его присутствию, к его осознанности. Осознан-

ность – это всегда нечто новое, непривычное, неизвестное. Тело становится знакомым, душа – никогда. Можно привыкнуть к телу своей жены, знать его, но вы никогда не узнаете, что сокрыто внутри человека, – никогда. Душу нельзя узнать. Это тайна, она необъяснима. Когда Джошу спросил: «Управляющий, ты здесь?» – тот внезапно стал осознанным. Он забыл, что он управляющий, забыл, что он тело, и ответил из сердца: «Да, господин».

Этот прогремевший вопрос был настолько неожиданным – почти как шок. И этот вопрос был нелеп, вот почему управляющий ответил: «Конечно, я здесь. К чему такой вопрос?» Внезапно все прошлое, старое, ум – были отброшены. Управляющего больше не было – отвечало просто сознание. Сознание всегда ново; оно постоянно рождается заново, оно никогда не бывает старым. И Джошу сказал: «Тогда выпей чашку чая».

Первое, что надо понять, – что для Джошу все является новым, необычным, таинственным; не важно, известное это или неизвестное, привычное или непривычное. Если вы будете приходить в этот сад каждый день, постепенно вы перестанете смотреть на деревья. Вы подумаете, что уже видели их, знаете их. Вы перестанете слушать пение птиц – они будут петь, но вы не будете их слушать. Вы привыкнете: ваши глаза закрыты, уши закрыты. Если Джошу придет в этот сад, – а он, должно быть, приходил сюда каждый день мно-

го, много жизней подряд, – он будет слушать птиц, он будет смотреть на деревья. Каждый момент все для него является новым.

Вот что значит осознанность. Когда она присутствует, каждый момент нов. Ничто не старится, ничто не становится старым. Все возникает каждое мгновение – это непрерывный поток творчества. Осознанность никогда не обременяет себя памятью.

Первое: медитативный ум всегда живет в новом, в свежем. Все существование новорожденное – свежее, как капля росы, как распускающийся весенний листок. Это похоже на взгляд новорожденного ребенка: все свежее, чистое, ни пылинки. Это первое, что надо почувствовать. Если вы смотрите на мир и вам все кажется старым, это говорит о том, что вы не медитативны. Если все вам кажется старым, это значит, что ваш ум стар, он прогнил. Если ум свеж, мир также свеж. Дело не в мире – дело в зеркале. Если на зеркале пыль, мир стар; если на зеркале нет пыли, разве мир может быть старым? Если бы вещи старились, вы бы жили в скуке. Но все и живут в скуке, все скучают – до самой смерти.

Посмотрите на лица людей. Они влачат жизнь, как бремя, скучное, бессмысленное бремя. Кажется, что это просто кошмар, жестокая шутка, что кто-то обманул их, мучает их. Жизнь не празднование – она не может быть такой. Когда ум отягощен памятью, жизнь не может быть праздником. Даже когда вы смеетесь, ваш смех несет скуку. Посмотрите, как

люди смеются: с усилием. Это просто жест, дань этикету.

Я слышал об одном сановнике, который поехал в Африку, чтобы посетить одну общину, очень старую, первобытную общину аборигенов. Он прочитал длинную лекцию и рассказал очень длинный анекдот. Анекдот звучал почти полчаса, и затем настал черед переводчика его перевести. Переводчик сказал всего четыре слова, и аборигены от души рассмеялись. Сановник был озадачен. Он рассказывал анекдот полчаса – как можно было перевести его в четырех словах? Но люди ведь что-то поняли, они смеялись. «Вы сотворили чудо – сказали всего четыре слова. Я не знаю, что вы сказали, но как вам удалось четырьмя словами передать такую длинную историю?» Переводчик ответил: «История слишком длинная, поэтому я сказал им: „Он рассказал шутку – смейтесь!“»

Что это будет за смех? Просто дань вежливости – а человек потратил полчаса на рассказ! Посмотрите, как люди смеются. Это ментальная процедура, они прикладывают усилие; такой смех фальшив. Он лишь нарисован на губах – это упражнение для мышц лица. Он не исходит из глубины существа, из самого истока, из живота; это искусственная вещь. Очевидно то, что мы скучаем, и, что бы мы ни делали, мы делаем это из скуки и создаем еще больше скуки. Вы не можете праздновать. Празднование возможно, только если существование постоянно свежо, всегда молодо. Когда ни-

что не стареет, когда ничто в действительности не умирает – потому что все постоянно возрождается – существование становится танцем. Тогда это поток внутренней музыки. Не важно, играете вы на музыкальном инструменте или нет, – музыка течет.

Я знаю историю. Это случилось в Аджмере (город в Индии, какое-то время находившийся под властью мусульман). Вы, может быть, слышали об одном суфийском мистике Моинуддине Чишти, чья могила, дарга, находится в Аджмере. Чишти был великим мистиком – одним из величайших когда-либо родившихся мистиков, и он был музыкантом. Быть музыкантом – значит быть против ислама, потому что в исламе музыка запрещена. Он играл на ситаре и на других инструментах. Он был великим музыкантом и наслаждался музыкой. Пять раз в день, когда мусульманин должен совершать ритуальную молитву, он не молился, а просто играл на своем инструменте. Это была его молитва.

Это было антирелигиозно, но никто не мог ничего ему сказать. Много раз люди подходили к нему, чтобы возмутиться, а он начинал петь, и его песня была такой красивой, что они забывали, зачем пришли. Он начинал играть на своем инструменте, и это было настолько полно молитвы, что даже ученые пандиты и маулви, пришедшие выразить свое негодование, не могли этого сделать. Они вспоминали об этом только дома; когда они возвращались, то воспомина-

ли, зачем ходили к нему.

Слава Чишти распространялась повсюду. Люди начали съезжаться со всего света. Один великий мистик по имени Джилани специально приехал из Багдада, чтобы только посмотреть на Чишти. Когда Чишти услышал, что приезжает Джилани, он подумал: «Невежливо будет играть при Джилани. Он такой ярый мусульманин, это будет непочтительно по отношению к нему. Это может его оскорбить...» И поэтому в тот день, единственный раз в жизни он решил не играть и не петь. Он спрятал свои инструменты и ждал Джилани с утра до полудня.

Когда Джилани пришел и они оба сидели в тишине, инструменты вдруг начали издавать музыку – вся комната заполнилась звуками. Чишти был в замешательстве и не знал, что делать. Он спрятал инструменты, но такой музыки он никогда раньше не слышал... Джилани засмеялся и сказал: «Правила не для тебя, не нужно прятать свои инструменты. Правила для обычных людей, а не для тебя, – не прячь их. Разве можно спрятать свою душу? Твои руки могут не играть, ты можешь не петь голосом, но все твоё существо музыкально. И вся эта комната наполнена такой музыкой, такими вибрациями, что теперь звучит сама».

Когда ваш ум свеж, все существование становится музыкой. Когда вы полны свежести, эта свежесть повсюду, весь мир отвечает вам взаимностью. Когда вы молоды и не отя-

гощены памятью, все является молодым, свежим и необычным.

Этот Джошу удивителен. Это надо глубоко прочувствовать, и тогда вы сможете понять. Но это понимание будет скорее чувствованием – не ментальным, а больше из сердца. В этой истории скрыто много других измерений. Другое измерение – это когда вы приходите к просветленному, и на любые ваши слова он дает один ответ. Ваши вопросы и ответы ничего не значат, не существенны – его ответ будет одинаков. Всем троим Джошу ответил одинаково, потому что просветленный человек всегда остается одним и тем же. Никакая ситуация не может изменить его, ситуация не играет роли. Вас ситуация меняет, меняет полностью; она управляет вами. Встречая незнакомого человека, вы ведете себя иначе. Вы более напряжены, пытаетесь прощупать ситуацию. Что это за человек? Опасен ли он? Окажется ли он дружелюбным? Вы смотрите с опасением. Вот почему с посторонними вы чувствуете себя неловко.

Отправляясь в путешествие на поезде, пассажиры в первую очередь расспрашивают друг друга, кто чем занимается и куда едет. Зачем нужны эти вопросы? Смысл их в том, что люди хотят расслабиться. Они спрашивают не потому, что очень интересуются вами, нет. Они просто хотят оценить ситуацию – могут ли они расслабиться, знакома ли им атмосфера или присутствует что-то необычное. Они начеку и заботятся о собственной безопасности.

Ваше лицо меняется постоянно. Когда вы встречаете незнакомца, у вас одно лицо. Когда вы видите друга, ваше лицо немедленно меняется; если рядом подчиненный, у вас одно лицо, если начальник – другое. Вы постоянно меняете маски, потому что вы зависите от ситуации. У вас нет души, нет целостности; окружающая обстановка постоянно меняет вас. Но в случае с Джошу все не так. В случае с Джошу все обстоит диаметрально противоположно. Он меняет свое окружение, а не окружение меняет его. Что бы ни происходило, это не имеет значения; его лицо остается неизменным. Нет необходимости сменять маски.

Говорят, однажды к Джошу пришел губернатор. Разумеется, это был влиятельный человек, политик, – губернатор. Он написал на листке: «Я пришел, чтобы увидеться с вами», затем написал свое имя и титул: губернатор такого-то штата. Сознательно или бессознательно, должно быть, он хотел произвести этим впечатление на Джошу. Джошу взглянул на листок, выбросил его и сказал тому, кто принес послание: «Скажи, что я не желаю видеть этого человека. Пусть убирается!» Посыльный вышел и сказал: «Джошу велел прогнать вас. Он выбросил ваш листок и сказал: „Я не хочу видеть этого человека“». Губернатор понял. Он снова написал послание – на этот раз только свое имя и фразу: «Я хотел бы увидеться с вами». Прочтя его, Джошу сказал: «Так это он! Приведите его!» Губернатор вошел и спросил: «Почему вы так странно себя повели? Вы сказали: „Выгоните его!“?» Джошу

ответил: «Лица здесь не принимаются. „Губернатор“ – это лицо, маска. Я признаю вас, но не признаю масок. И если вы пришли с маской на лице, я вас не приму. Сейчас все в порядке, я прекрасно знаю вас, но я не знаю никакого губернатора. В следующий раз оставьте губернатора дома, не приводите его с собой».

Мы почти постоянно используем маски – мгновенно мы меняемся. Если мы видим, что ситуация меняется, мгновенно меняемся и мы, как будто у нас нет целостной, кристаллизованной души.

Для Джошу все равны – этот незнакомец, этот друг, ученик, управляющий. Отвечая каждому: «Выпей чашку чая», – он остается одинаковым внутри. И для чего нужно выпить чашку чая? Для мастеров дзен это очень символично. Чай был открыт мастерами дзен, и чай для них – не простая вещь. В каждом дзенском монастыре есть чайная комната. Она особенная, почти как храм. Вам сложно это понять... но чаепитие для мастера дзен или дзенского монастыря – это очень религиозный процесс. Это как молитва. Мастера открыли это явление.

В Индии, если вы встретите саньясина, пьющего чай, вы посчитаете, что он нехороший человек. Ганди никому не позволял пить чай в своем ашраме. Чай был запрещен, он считался грехом; пить чай никому не дозволялось. Если бы

Ганди прочел эту историю, он бы оскорбился. Просветленный Джошу предлагает людям выпить чаю? Но в дзен другое отношение к чаю. Само название «чай» происходит из китайского монастыря, Та. Там впервые открыли чай, и было обнаружено, что чай способствует медитации, потому что делает вас более бдительными, более осознанными. Вот почему, если вы выпили чаю, бывает трудно уснуть сразу. Было обнаружено, что чай способствует осознанности, бдительности, поэтому в монастырях дзен чаепитие – это часть медитации. Что еще, большее, чем осознанность, может предложить Джошу? Когда он говорит: «Выпей чашку чая», – он имеет в виду: «Выпей чашку осознанности». Чай весьма символичен для него. Он говорит: «Выпей чашку осознанности».

Это все, что может предложить просветленный. Если вы придете ко мне, что я смогу предложить вам? У меня нет ничего, кроме чашки чая.

Знакомому или незнакомому, другу или постороннему, или даже управляющему, который всегда управлял монастырем... «Выпей чашку чая!» Это все, что будда может предложить кому-либо, но нет ничего более ценного, чем это. В дзенских монастырях существует комната для чаепития. Она как храм – самое священное место. Туда нельзя входить в обуви, туда нельзя входить, не приняв ванну. Чай означает осознанность, и этот ритуал подобен молитве.

Когда люди входят в эту комнату, они замолкают; гово-

ритель не разрешается, все входят молча. Они садятся на пол в медитативные позы, а хозяин или хозяйка заваривают чай. Все молчат. Начинает закипать чайник, и все слушают звук кипящей воды, слушают, словно музыку. Хотя чай еще не готов, церемония уже началась.

Если вы спросите мастеров дзен, они скажут, что чай – это не то, что можно просто пить, без осознанности, как любой другой напиток. Это не напиток, это медитация, это молитва. Поэтому они слушают, как чайник поет песню, и в этом слушании они становятся более безмолвными, более бдительными.

Потом перед участниками ставят чашки, и они прикасаются к ним. Это не обычные чашки; каждый монастырь имеет особенные, специально изготовленные чашки. Даже если их покупают на рынке, сначала их разбивают, а затем опять склеивают, чтобы каждая чашка стала уникальной. Затем каждый касается чашки, ощущает ее. Чашка символизирует тело; если чай символизирует осознанность, то чашка означает тело. И если вам нужно быть бдительным, вы должны быть бдительным от самых корней своего тела. Прикасаясь, люди становятся бдительными, медитативными. Затем разливается чай. Доносится аромат, запах. Это длится долго – час, два. Это вовсе не минутное дело – хлебнуть чаю, поставить чашку и уйти. Нет, это долгий процесс – медленный, так что вы начинаете осознавать каждый шаг. И потом они пьют. Вкус, температура – все должно быть проделано с осо-

бой внимательностью. Вот почему именно мастер предлагает ученику чай. Когда мастер наливает вам в чашку чай, вы более бдительны, более осознанны. Если чай наливает слуга, вы вскоре забудете о нем. Но когда в вашу чашку чай наливает Джошу... если я приду и буду наливать чай в вашу чашку – ваш ум остановится, вы будете безмолвны. Происходит что-то особенное, что-то священное. Чай превращается в медитацию.

Джошу сказал всем троем: «Выпей чашку чая». Чай – это просто предлог. Джошу даст им больше осознанности, а осознанность приходит через чувствительность. Вам нужно стать более чувствительными, что бы вы ни делали – даже если это простое чаепитие. Можно ли отыскать что-то более обычное, чем чай? Что-то более тривиальное, посредственное? Нет, невозможно. Но мастера и монахи дзен возвысили этот обычный предмет до чего-то необыкновенного. Они соединили «то» и «это», как если бы чай и бог слились воедино. Пока чай не станет божественным, вы не станете божественными, потому что наименьшее должно подняться до наивысшего; обычное – подняться до необыкновенного; земля – превратиться в небо. Они должны быть соединены, между ними не должно остаться никакого зазора.

Соедините их – и чай станет молитвой. Так самое обычное превращается в самое священное. Это символ. И дзен говорит, что, когда ваша обычная жизнь превращается в необычную, только тогда вы духовны. Иначе вы не духовны. В обыч-

ном нужно найти необычное, в привычном – непривычное, в известном – неизвестное, в близком – далекое, в «этом» – «то». Поэтому Джошу говорит: «Иди и выпей чашку чая».

Еще одно измерение, которое есть в этой истории, – это измерение приветствия. Приветствуется каждый. У ворот просветленного мастера, у ворот Джошу или Будды приветствуют всех, не важно, кто вы. Двери открыты – приходите и выпейте чашку чая. Что значит войти и выпить чашку чая? Джошу говорит: «Войди и расслабься».

Если вы пойдете к другим так называемым мастерам, так называемым монахам и саньясинам, вы не сможете расслабиться, только станете более напряженными. Пойдите к саньясину – и вы станете более напряженным, более испуганными. Он создает чувство вины – он посмотрит на вас обвиняющим взглядом, и то, как он посмотрит, скажет о том, что вы грешник. И он начнет обвинять: то неправильно, это неправильно; отбрось то, отбрось это. Действительно просветленный человек так не поступает. Рядом с просветленным вы почувствуете расслабление. Есть китайское изречение, которое говорит, что если вы встретите действительно великого человека, рядом с ним вы почувствуете расслабление. Если же величие человека ложно, то рядом с ним вы почувствуете напряжение. Сознательно или нет, он приложит все усилия, чтобы показать, что вы ниже, что вы грешник, и что он выше вас, недоступен для вас.

Будда поможет вам расслабиться, потому что только в глу-

боком расслаблении вы тоже становитесь буддой. Нет другого способа.

«Выпей чашку чая», – сказал Джошу. «Иди, расслабься рядом со мной». Чай символичен – расслабьтесь. Если вы пьете чай с буддой, вы немедленно почувствуете, что вы не посторонний, что вы не чужие друг другу. Будда наливает чай в вашу чашку... Будда снизошел до вас. Будда пришел в это, принес то в это. Христиане, иудеи не могут и вообразить такого; мусульмане не могут также. Если вы постучитесь во врата Рая, можете ли вы представить, что Бог придет и скажет: «Идем, выпьем чаю!»? Это кажется таким мирским... Бог будет сидеть на своем троне, глядя на вас тысячей глаз, глядя в каждый уголок и закоулок вашего существа, будет считать, сколько грехов вы совершили, будет судить.

Джошу не осуждающий. Он не судит вас, он просто принимает. Что бы вы ни говорили, он принимает и говорит: «Идем, расслабься со мной». Смысл в том, чтобы расслабиться. И если вы можете расслабиться вместе с просветленным, его просветление начнет проникать в вас, потому что, когда вы расслаблены, вы становитесь «пористыми». Когда вы напряжены, вы закрыты; когда расслаблены, он может войти. Когда вы расслаблены, когда вам комфортно, вы пьете чай, тогда Джошу что-то делает. Он не может войти через ваш ум, но он может войти через ваше сердце. Просьба выпить чаю расслабляет вас, приближает, делает дружелюбными. Помните, когда вы едите или пьете с кем-то рядом, вы

очень сближаетесь. Сближают только еда и секс. В сексе вы близки, в еде вы близки. И еда ближе секса, потому что, когда ребенок рождается, первое, что он получает от матери, – это пища. Секс придет позже, когда он созреет, через четырнадцать-пятнадцать лет. Первое, что вы получили в этом мире, это еда, и этой едой было питье. Поэтому первая близость, известная в этом мире, – близость между матерью и ребенком.

Джошу говорит: «Иди и выпей чашку чая. Позволь мне быть твоей матерью. Дай мне напоить тебя». Мастер подобен матери. Я настаиваю, что мастер – это мать. Мастер не отец, и христиане ошибаются, называя священников «отец», потому что отец – это очень неестественно, это социальное явление. «Отец» не существует нигде в природе, кроме человеческого общества. Отец – это придуманное, культурное явление. Мать естественна. Она существует без всякой культуры, образования, общества, она есть в природе. Даже у дерева есть мать. Может, вы не слышали, что не только нам, но даже деревьям жизнь дает мать. В Англии проводился эксперимент. Там есть специальная лаборатория, где проводятся эксперименты с растениями, и там открыли таинственное явление. Если семя бросить в почву, и материнское растение, из которого взято семя, находится где-то близко, семя прорастает быстрее. Если матери нет, это займет больше времени. Если мать погибла, растение срезано, тогда семя будет прорастать очень долго. Присутствие матери помогает даже семени.

Мастер – это мать, не отец. К отцу вы относитесь лишь интеллектуально, с матерью же ваши отношения тотальны. Вы были частью своей матери, вы принадлежите ей полностью. Точно так же с мастером, только в обратном порядке. Вы вышли из матери и пойдете к мастеру. Это возвращение в свой источник.

Поэтому мастера дзен всегда предлагают вам пить. Они символически говорят: «Иди и стань ребенком для меня, позволь мне стать твоей матерью, позволь мне стать твоей второй утробой. Войди в меня, я дам тебе новое рождение».

Еда – это близость, и она настолько укоренена в вас, что влияет на всю вашу жизнь. Мужчины повсюду в мире, в разных обществах, разных культурах, продолжают думать о женской груди. В картинах, скульптурах, фильмах, романах – грудь повсюду остается центром внимания. Почему она так привлекательна? Потому что это первая близость с миром, через нее вы познали бытие. Грудь была первым прикосновением мира. Вы впервые приблизились к жизни, впервые узнали другого человека через грудь. Вот почему грудь так привлекательна. Женщина, у которой нет груди, у которой плоская грудь, не может привлечь. Это трудно, потому что вы не чувствуете в ней мать. Поэтому с красивой грудью даже уродина становится привлекательной, как будто грудь – это центр, самое важное место. И что такое грудь? Грудь – это пища. Секс приходит позже – сначала пища.

Когда Джошу приглашает всех троих выпить чашку чая, он призывает их к близости. Друзья едят вместе, поэтому, если во время приема пищи вы увидите вблизи себя постороннего, вы почувствуете неудобство. Незнакомые люди чувствуют неудобство, если едят вместе. Поэтому в отелях, в ресторанах, все устроено неправильно. Близость посторонних отравляет пищу, вы слишком неестественны и напряжены. Это не семья, вы не расслаблены.

Еда, приготовленная кем-то любящим вас, имеет совсем другое качество, даже ее химический состав иной. И психологи говорят, что, когда ваша жена злится, не позволяйте ей готовить пищу, потому что такая пища становится ядом. Это непросто, поскольку жена почти всегда злится. Но психологи говорят: когда вы едите, если ваша жена начинает создавать проблемы – разговаривать, спорить – перестаньте есть. Но тогда вы умрете, потому что жена почти всегда создает проблемы во время еды. Этот мир лишен любви. Жена знает – если у нее есть хоть какое-то понимание – что самое худшее время затевать ссору, когда муж ест, потому что тогда он становится напряженным, не расслабленным и еда превращается в яд, и потребуются больше времени, чтобы ее переварить. Психологи говорят, что на переваривание такой пищи уйдет вдвое больше времени, и все тело пострадает.

Пища – это близость, это любовь. И мастера дзен всегда приглашают на чашку чая. Они приведут вас в чайную и предложат вам чаю, они предложат вам еду, питье. Они ска-

жут вам: «Будь близким. Не стой так далеко, подойди ближе. Чувствуй себя, как дома».

Таковы различные измерения этой притчи, но это также и измерения чувствования. Вы не можете понять, но можете почувствовать, а чувство выше понимания, любовь – это высшее знание. И сердце – наивысший центр знания, вовсе не ум; ум вторичен, функционален, утилитарен. Через ум вы можете познать поверхность, вы никогда не познаете сердцевины.

Но вы совсем забыли о сердце, как будто оно стало ничем. Вы ничего не знаете о нем. Когда я говорю о сердце, о сердечном центре, вы думаете о легких, а не о сердце. Легкие – это не сердце, легкие – это только оболочка сердечного центра. Сердце спрятано в легких, где-то глубоко. Точно так же, как в вашем теле сокрыта душа, в легких сокрыто сердце. Это не физический центр, поэтому, если вы пойдете к врачу, он скажет, что сердца нет, никакого сердечного центра нет, только легкие.

Сердце имеет свои способы познания, и Джошу можно понять только сердцем. Если вы попытаетесь понять его через интеллект, возможно, вы поймете его неправильно. Понять его с помощью интеллекта невозможно.

(Из книги «Птица в полете», беседа 4)

Ни начала, ни конца

Люди спрашивают у меня: «Почему эта жизнь так таинственна?» Откуда мне знать? Она такая! Это просто факт, я не рассуждаю о теориях. Я не говорю, что таинственность жизни – это моя теория, – тогда вы могли бы спросить, почему. Она просто такая. Деревья зеленые. И вы спрашиваете, почему. Деревья зеленые, потому что они зеленые. Вопрос «почему?» неуместен. Если бы можно было спросить «почему?» и получить ответ, жизнь не была бы тайной. Жизнь не может быть тайной, если можно объяснить, почему. Жизнь – тайна как раз потому, что никакие «почему» здесь неуместны.

Я слышал...

Как-то Мулла Насреддин говорил одному из своих учеников, что жизнь похожа на женщину. Меня это заинтересовало, и я прислушался. Он продолжил: «Мужчина, который за являет, что понимает женщин, хвастун. Мужчина, который думает, что понимает их, простак. Мужчина, который делает вид, что понимает их, сомневается. Мужчина, который стремится понять их, мечтатель. С другой стороны, тот, кто не говорит, что понимает женщин, не думает, что понимает их, не притворяется, что понимает их, и даже не стремится их понять – вот он их понимает!»

Точно так же с жизнью. Жизнь – это женщина. Попробуйте понять жизнь – и вы запутаетесь. Забудьте о понимании. Просто живите, и вы поймете ее. И это понимание не будет интеллектуальным, теоретическим; это понимание будет целостным. Это не словесное понимание, это понимание без слов. Вот что означает то, когда мы говорим, что жизнь таинственна. Ее можно прожить, но нельзя объяснить.

Вы можете знать, что это такое, но сказать, что это такое, не можете. В этом смысл тайны. Когда мы говорим, что жизнь – тайна, мы имеем в виду, что жизнь – это не проблема. Проблемы можно разрешить, тайну – нет. И это хорошо, что жизнь невозможно разрешить, иначе что бы вы делали? Поразмышляйте об этом. Если бы жизнь не была тайной и кто-то пришел и объяснил ее вам, что тогда вам было бы делать? Не осталось бы ничего, только покончить с собой. И даже это было бы бессмысленным.

Жизнь – это тайна. И чем больше вы ее познаете, тем она красивее. Наступает момент, когда вы вдруг начинаете жить ее, начинаете течь вместе с ней. Вы вступаете с ней в отношения, между вами случается экстаз, но все равно вы не можете определить, что она такое. В этом ее красота, ее бездонная глубина.

И, да – в этом нет ни начала, ни конца. Разве в жизни могут быть какое-то начало и какой-то конец? Если бы было начало, это означало бы, что нечто возникло из ничего; а если

бы существовал конец, это означало бы, что это нечто было, но обратилось в ничто. Тогда все было бы еще более загадочно. Когда мы говорим, что жизнь не имеет начала, мы имеем в виду, что она была всегда. Разве может быть какое-то начало? Можете ли вы провести границу и сказать, что жизнь началась в такой-то момент, как привыкли утверждать христианские богословы? Они говорят, что жизнь возникла в один прекрасный понедельник за тысячу лет до рождения Иисуса Христа. Конечно же, это, должно быть, было утро... Но разве можно сказать, что это был понедельник, если перед этим не было воскресенья? И разве можно сказать, что это было утро, если перед этим не было ночи? Просто подумайте...

Нет, невозможно провести никакую границу, это глупо. Невозможно провести линию, потому что даже для этого что-то требуется. Что-то должно быть до нее – иначе ее невозможно провести. Линию можно провести, если есть два события, но если оно только одно, как тогда ее проводить? Ограда вокруг вашего дома может существовать только потому, что есть сосед. Если нет соседа, нет ничего за вашей оградой, ограда невозможна. Только подумайте... Если за вашей оградой нет абсолютно ничего, она пропадет в этом ничто. Как же она сможет существовать? За оградой должно быть что-то, что будет ее опорой. Если жизнь началась в некий понедельник, ему должно было предшествовать воскресенье. Иначе понедельник пропадает – опрокидывается и исчезает. И, точно так же, в жизни не может быть никако-

го конца. Жизнь есть, просто есть. Она была, она будет. Это вечность.

И не пытайтесь думать об этом, иначе вы упустите жизнь. Потому что все то время, которое вы тратите на эти мысли, – это бессмысленная трата. Используйте это время, используйте эту энергию, чтобы проживать жизнь.

(Из книги «Искусство умирания», беседа 2)

Вопрос жизни и смерти

Хасидская притча:

Рабби Бирнхам находился при смерти, и его жена разразилась слезами.

Он сказал: «Почему ты плачешь?»

Вся моя жизнь была лишь для того, чтобы я научился умирать».

Жизнь существует для того, чтобы жить. Это не предмет, это процесс. Нет иного способа постичь жизнь, кроме как прожить ее, кроме как быть живым, течь вместе с ней в одном потоке. Если вы ищете смысл жизни в какой-то концепции, в какой-то философии или теологии, это верный способ упустить жизнь и весь ее смысл.

Жизнь – это не то, что вас ждет где-то там; это то, что происходит внутри вас. Она не в будущем, это не цель, которую надо достичь, она здесь и сейчас, в это самое мгновение – в вашем дыхании, в движении вашей крови, в биении вашего сердца. И чем бы вы ни были – это ваша жизнь, а если вы начнете искать смысл где-то еще – вы ее упустите. Человек веками именно это и делал.

Понятия стали очень важными, объяснения стали очень важными – и реальность была полностью забыта. Мы не смотрим на то, что есть на самом деле, мы хотим рассуждать.

Я слышал одну очень красивую историю.

Некоторое время назад у одного успешного американца случился очень серьезный личностный кризис. Он обращался к психоаналитикам, но безуспешно, потому что не нашлось никого, кто мог бы рассказать ему о смысле жизни – а он хотел именно этого. Затем он узнал о некоем святом и очень мудром гуру, который жил где-то в малодоступной и таинственной части Гималаев, и он поверил, что только этот гуру способен рассказать ему, что такое жизнь и помочь найти в ней свое место.

Тогда он продал все свое имущество и начал поиски этого всезнающего гуру. Он провел в поисках восемь лет, странствуя по Гималаям от деревни к деревне. И вот однажды ему повезло встретить пастуха, который рассказал ему, где живет гуру, и указал дорогу. Чтобы добраться до гуру, американцу пришлось потратить еще почти год, но, в конце концов, он нашел его. Он встретил своего гуру, и тот действительно оказался человеком весьма почтенным, ему было далеко за сотню лет. Гуру согласился помочь ему, особенно когда узнал о тех жертвах, которые этот человек принес ради своей цели.

– Что я могу сделать для тебя, сын мой? – спросил гуру.

– Мне необходимо узнать, в чем смысл жизни, – сказал человек.

На это гуру ответил, не задумываясь:

– Жизнь, – сказал он, – это бесконечная река.

– Бесконечная река? – переспросил человек, вздрогнув в удивлении. – После того, как я проделал весь этот путь, чтобы найти тебя, все, что ты можешь сказать, это что жизнь – бесконечная река?

Гуру был потрясен, шокирован. Он рассердился и сказал. – А что – по-твоему, это не так?

Никто не обеспечит вам смысл вашей жизни. Это ваша жизнь, и смысл тоже должен быть вашим. Гималаи не помогут. Никто, кроме вас, не может найти его. Ваша жизнь доступна только вам. Только проживая жизнь, вы откроете ее тайну.

Первое, что я хочу сказать, – не ищите смысл где-то в другом месте. Не ищите его во мне, не ищите в священном писании, не ищите в умных объяснениях – все эти объяснения далеки от истины, они не объясняют. Они просто заполняют ваш ум, они не дают осознания того, что есть. И чем больше ум забит мертвым знанием, тем тупее и глупее вы становитесь. Знание делает людей глупыми, оно притупляет их чувствительность. Оно загружает их бессмысленным грузом, укрепляет их эго, но не дает никакого света и не открывает пути. Это невозможно.

Жизнь уже бурлит у вас внутри. С ней можно соприкоснуться только здесь. Храм не снаружи, святыня – это вы сами. Поэтому запомните: если вы хотите узнать, что такое жизнь, никогда не ищите снаружи, не пытайтесь выяснить у

кого-то другого. Смысл нельзя передать таким образом. Великие мастера никогда не говорили ничего о жизни. Они всегда возвращали вас назад, к самим себе.

Второе, что надо помнить: как только вы узнаете, что такое жизнь, вы узнаете и что такое смерть. Смерть – это часть того же процесса. Обычно мы думаем, что смерть приходит в конце. Нам кажется, что смерть против жизни, мы считаем ее врагом – но смерть не враг. И если вы считаете смерть врагом, это говорит о том, что вы просто еще не узнали, что такое жизнь.

Смерть и жизнь – два полюса одной и той же энергии, одного и того же явления – как прилив и отлив, день и ночь, лето и зима. Они не отделены друг от друга и не противоположны. Они не противоборствуют, они дополняют друг друга. Смерть – не конец жизни; в действительности это завершение одной жизни, крещендо одной жизни, кульминация, финал. И как только вы познаете свою жизнь и ее пути, вы поймете, что такое смерть.

Смерть – это органичная, неотъемлемая часть жизни, и она очень дружественна к ней. Без нее жизнь невозможна. Жизнь существует потому, что есть смерть, смерть – это ее исток. Смерть – это, фактически, процесс обновления. И смерть случается каждое мгновение. В то мгновение, когда вы вдыхаете и выдыхаете, случаются и жизнь, и смерть. На вдохе случается жизнь, на выдохе – смерть. Поэтому, когда ребенок рождается, первое, что он делает, – это вдох, и тогда

начинается жизнь. А когда старик умирает, последнее, что он делает, – это выдох, и тогда жизнь уходит. Выдох – это смерть, вдох – это жизнь; они как два колеса телеги, запряженной волом. Вы вдыхаете ровно столько же, сколько выдыхаете. Выдох – это часть вдоха. Нельзя вдохнуть, если вы перестали выдыхать. Вы не сможете жить, если перестанете умирать. Человек, который понял, что такое жизнь, позволяет смерти произойти; он приветствует ее. Он умирает каждое мгновение, и каждое мгновение воскресает. Его распятие и его воскрешение происходят постоянно. Каждое мгновение он умирает для прошлого и снова и снова возрождается для будущего.

Если вы посмотрите на жизнь, вы сможете узнать, что такое смерть. И если вы поймете, что такое смерть, только тогда вы сможете понять, что такое жизнь. Они неразрывны. Обычно мы разделяем их из-за страха. Мы думаем, что жизнь – это хорошо, а смерть – плохо. Нам кажется, что мы должны хотеть жить и избегать смерти. Считается, что так или иначе нам нужно защищать себя от смерти. Эта абсурдная идея создает в нашей жизни бесконечную цепь страданий, потому что человек, который пытается защитить себя от смерти, не способен жить. Такой человек боится выдохнуть, а потом он не может вдохнуть и в результате застревает. И тогда он просто существует; его жизнь не течет, это не река.

Если вы действительно хотите жить, вы должны быть готовы умереть. Кто внутри вас боится смерти? Разве это жизнь

боится смерти? Это невозможно. Как жизнь может бояться неотъемлемой части самой себя? Внутри вас боится что-то другое. Боится ваше эго. Жизнь и смерть не являются противоположностями – противоположностями являются эго и смерть. Эго боится умереть, и оно боится жить. Эго против и жизни, и смерти. Оно боится жить, потому что каждое усилие, каждый шаг по направлению к жизни приближает смерть. Если вы живете, вы приближаетесь к умиранию. Эго боится умереть, поэтому оно боится и жить. Эго просто существует.

Есть много людей, которые ни живы, ни мертвы. Это хуже всего. Человек, который полностью жив, точно так же полностью мертв. Именно это означает образ Иисуса на кресте. Иисус говорит своим ученикам: «Несите свой крест», но люди в действительности не понимают этого образа. Смысл образа Иисуса, несущего свой крест, очень прост. Он означает, что каждый должен постоянно нести свою собственную смерть, умирать каждое мгновение. Все должны взойти на крест, потому что это единственный способ жить полно, тотально.

Когда бы вы ни проживали мгновение жизни тотально, вы вдруг замечаете рядом смерть. Такое происходит в любви. В любви жизнь подходит к своей высшей точке – поэтому люди боятся любви.

Меня всегда удивляли люди, которые говорят, что они боятся любви. Что есть этот страх? Он возникает потому, что,

если вы действительно кого-то любите, ваше эго начинает растворяться и исчезать. С эго невозможно любить, оно становится барьером. И когда вы собираетесь отбросить этот барьер, эго говорит: «Берегись! Это смерть!»

Но смерть эго – это не ваша смерть; смерть эго – это ваша реальная возможность жить. Эго – лишь мертвая скорлупа вокруг вас, которую нужно разбить и выбросить. Она образуется сама собой – так же, как скапливается дорожная пыль на теле и одежде путешественника; и ему просто нужно принять ванну и смыть всю эту грязь.

Пыль опыта, знаний, прожитой жизни, прошлого постоянно накапливается с течением времени. Эта пыль и становится нашим эго. Собираясь, она превращается в скорлупу, которую надо разбить и выбросить. Пыль нужно постоянно смывать – каждый день, фактически, каждую минуту, чтобы эта скорлупа никогда не превратилась для вас в тюрьму. Эго боится любить, потому что в любви жизнь достигает своего пика. Но когда жизнь достигает пика, достигает пика и смерть – они всегда идут рядом.

В любви вы умираете и возрождаетесь. То же самое происходит, когда вы медитируете, молитесь или когда вы приходите к мастеру, чтобы сдать. Эго создает всевозможные препятствия, пытаясь рационально мотивировать отказ от сдачи: «Подумай хорошо, будь умнее, не спеши». Когда вы приходите к мастеру, эго снова становится подозрительным, сомневающимся, беспокойным, потому что вы опять возвра-

щаетесь к жизни, к пламени, в котором смерть будет настоль-ко же жива, как и жизнь.

Помните: жизнь и смерть всегда возгораются вместе, они никогда не отделены. Если вы живете едва-едва, в этом мимуме жизни вы можете воспринимать жизнь и смерть как отдельные друг от друга. Но чем ближе вы к вершине, тем ближе друг к другу оказываются жизнь и смерть. На самом пике они встречаются и становятся одним. В любви, в медитации, в доверии, в молитве, каждый раз, когда жизнь становится тотальной, – входит смерть. Без смерти жизнь не может быть тотальной.

Но эго всегда мыслит категориями двойственности, разделения, оно все разделяет. Бытие целостно, неделимо. Вы были ребенком, потом стали взрослым. Можете ли вы указать момент, когда именно вы повзрослели? Можете ли вы указать точку, когда вы вдруг перестали быть ребенком и стали взрослым? В один прекрасный день вы состаритесь. Можете ли вы указать тот момент, когда вы состаритесь?

В этом процессе нельзя провести границу. То же самое происходит, когда вы рождаетесь. Можете ли вы определить, когда именно вы родились? Когда в действительности начинается жизнь? Начинается ли она тогда, когда ребенок делает первый вдох, – врач шлепает его, и ребенок делает вдох? Жизнь рождается в тот момент? Или она начинается, когда зародыш попадает в матку при зачатии? Или еще раньше? Когда именно начинается жизнь?

Это процесс без начала и конца. Он никогда не начинается. Когда человек умирает? Тогда, когда останавливается дыхание? Многие йоги сегодня доказали, что они могут остановить дыхание, но продолжать жить и затем вернуться обратно в тело. Поэтому остановка дыхания не может быть концом. Тогда где заканчивается жизнь?

Она нигде не заканчивается, она нигде не начинается. Мы вовлечены в вечность. Мы были с самого начала – если было какое-то начало, и мы будем до самого конца, если будет какой-то конец. На самом деле не может быть никакого начала и никакого конца. Мы – это жизнь, даже если формы меняются, меняются тела, меняется ум. То, что мы называем жизнью, – просто отождествление с неким телом, умом, определенным положением. А то, что мы называем смертью, – не что иное, как выход из этой формы, из этого тела, из этой идеи.

Вы переезжаете в новый дом. Если вы слишком сильно отождествляете себя со старым домом, тогда смена дома будет болезненной. Вы подумаете, что умираете, потому что старый дом был чем-то, что вы считали собой, – это было ваше отождествление. Но на самом деле этого не происходит, потому что вы знаете, что всего лишь меняете дом, а сами остаетесь прежними. Те, кто вглядывался внутрь себя, кто открыл, кто он есть на самом деле, приходят к познанию вечного и бесконечного процесса. Жизнь – это процесс, вне времени, за пределами времени. И смерть – его часть.

Смерть – это постоянное возрождение: это возможность для жизни возродиться вновь, возможность избавиться от старых форм, старых, ограничивающих структур – чтобы вы снова могли течь, снова могли стать свежими и молодыми, чтобы вы снова могли стать девственными.

Я слышал...

Человек бродил по антикварному салону недалеко от Маунт Вернон, как вдруг увидел большой старинный топор.

– Какой древний у вас топор! – сказал он владельцу.

– Да, – ответил владелец. – Когда-то он принадлежал Джорджу Вашингтону.

– Правда? – сказал покупатель. – Он явно хорошо поработал.

– Конечно, – ответил продавец антикварного магазина, – у него три раза заменяли рукоять и два раза – железную часть.

Но такова жизнь – она продолжает менять все составные части, и действительно кажется, что все меняется, но, тем не менее, что-то вечно остается одним и тем же. Просто посмотрите. Вы были ребенком – что от этого осталось? Только воспоминание. Ваше тело изменилось, ум изменился, ваша личность изменилась. Что осталось от вашего детства? Ничего не осталось, только воспоминание. Вы не можете отличить то, что действительно произошло, от того, что вы видели во сне, или прочитали в книге, или кто-то вам рассказал.

Было ли это детство вашим или чьим-то еще? Посмотрите альбом со старыми фотографиями. Только взгляните – это были вы. В это невозможно поверить, так сильно вы изменились. В действительности, изменилось все – рукояти, топоры – все. Однако, глубоко внутри, что-то остается непрерывным, поток свидетельствования не прерывается.

Существует некая невидимая нить. Все продолжает меняться, но эта нить остается неизменной. Она за пределами жизни и смерти. Жизнь и смерть – это два крыла того, что находится за пределами жизни и смерти. И то, что там, продолжает использовать жизнь и смерть как два колеса повозки, дополняющие друг друга. Оно проживает себя через жизнь, проживает себя через смерть. Жизнь и смерть – это его процессы, как вдох и выдох.

Нечто в вас трансцендентно. «*Ты есть это*»... это трансцендентно.

Однако мы слишком отождествляемся с формой, и это порождает эго, так называемое «я». Конечно, нашему «я» приходится умирать многократно. Поэтому оно находится в постоянном страхе, трепещет, всегда боится, защищается, хочет безопасности.

Суфийский мистик постучал в дверь очень богатого человека. Он был нищим и хотел всего лишь досыта поесть. Богач накричал на него:

– Тебя здесь никто не знает!

– Зато я знаю себя, – отвечал дервиш. – Было бы куда хуже, если бы было наоборот. Если бы меня все знали, но я бы не осознавал, кто я, – как печально бы это было... Да, ты прав, никто здесь не знает меня, но я знаю себя.

Возможна лишь одна из этих двух ситуаций; и вы находитесь в той из них, которая печальна. О вас могут знать все – о том, кто вы, но сами вы совершенно забыли о своем трансцендентном, о своей истинной сущности, о своем подлинном существе. И это единственный повод для печали в вашей жизни. Вы можете найти много причин, но настоящая причина для печали в том, что вы не знаете, кто вы.

Как человек может быть счастлив, не зная, кто он, откуда, куда идет? Тысяча и одна проблема возникают из-за этого невежества по отношению к самому себе.

Ранним утром на свет из темноты своего подземелья в поисках пищи выползли муравьи. Им пришлось ползти мимо дерева, листья которого были покрыты утренней росой.

– Что это? – спросил один из муравьев, указывая на капли росы. – Откуда они?

Одни муравьи ответили ему:

– Они появились с земли.

Другие сказали:

– Они появились из моря.

Завязался спор между группой, придерживавшейся теории моря, и группой, выбравшей теорию земли. Но один мудрый и смысленный муравей стоял в одиночестве. Он сказал:

– Давайте остановимся на секунду и поищем знаков – ведь все притягивается к своему источнику. Или, как говорится, все возвращается к своему началу. Как высоко ни подбросить камень, он падает обратно на землю. То, что тянется к свету, должно исходить от света.

Это не очень убедило муравьев, и они уже готовы были возобновить свой диспут, как взошло солнце и капли начали испаряться с листьев, поднимаясь к солнцу и исчезая в нем.

Все возвращается к своему первоначальному источнику, все должно вернуться к своему истоку. Если вы понимаете жизнь, тогда вы понимаете и смерть. Жизнь – это забывание источника, а смерть – вспоминание его. Жизнь – это уход от источника, смерть – возвращение домой. Смерть не безобразна, смерть прекрасна. Но смерть прекрасна только для тех, кто прожил свою жизнь без препятствий, без сдерживания, без подавления. Смерть прекрасна только для тех, кто прожил свою жизнь красиво, кто не боялся жить, кто был достаточно храбр, чтобы жить, кто любил, танцевал, праздновал.

Если вы праздновали жизнь, то смерть становится предельным празднованием. Можно сказать, какой бы ни была

ваша жизнь – смерть проявит это. Смерть – величайший разоблачитель. Если в жизни вы были несчастны, смерть раскроет эту тайну. Если вы были счастливы, смерть покажет это счастье. Конечно, если вы жили только ради физического комфорта, тогда смерть будет довольно неприятной, потому что с телом придется расстаться. Тело – это просто временное пристанище, храм, в котором мы остаемся на ночь и который покидаем утром. Это не постоянное жилище, не ваш дом.

Поэтому, если вы жили только телесной жизнью и не знали ничего, кроме тела, смерть будет страшной, неприятной и мучительной. Она будет страданием. Но если вы жили не только ради тела, если вы наслаждались музыкой и поэзией, если вы любили, если любовались цветами и звездами и что-то нефизическое проникло в ваше сознание, тогда смерть не будет такой ужасной и мучительной. Вы сможете принять ее спокойно, но все же она не будет празднованием.

Если вы затронули в себе нечто трансцендентное, если вы вошли в собственное ничто в самом центре своего существа, там, где вы уже не тело и не ум, где физические удовольствия полностью забыты, где полностью забыты ментальные удовольствия, такие как музыка, поэзия, литература и живопись, где вы просто чистое сознание, – тогда смерть будет великим празднованием, великим откровением, великим прозрением.

Если вы узнали в себе нечто трансцендентное, смерть от-

кроет для вас трансцендентное во Вселенной. Тогда смерть – уже и не смерть, но встреча с богом, свидание с богом.

Поэтому в истории человеческой мысли можно встретить три различных описания смерти. Одно из них – мнение обычного человека, который жил в привязанности к своему телу и никогда не знал больше, чем удовольствие от пищи и секса. Вся его жизнь была сосредоточена только на пище и сексе. Он наслаждался пищей, наслаждался сексом, его жизнь была очень примитивна, груба; он жил на ступенях дворца, но никогда не входил вовнутрь и думал, что вся жизнь состоит только из этого. Когда наступит смерть, он будет цепляться за жизнь. Он будет сопротивляться смерти, будет бороться с ней. Смерть явится ему как враг.

Именно поэтому смерть во всем мире, во всех обществах изображается как темное, дьявольское начало. В Индии говорят, что посланец смерти страшен – он темный, черный, он приезжает верхом на огромном безобразном быке. Таково обычное отношение. Эти люди что-то упускают; они не видят другие измерения жизни. Они не могут прикоснуться к глубинам жизни и не могут подняться на ее высоту. Они упускают полноту, упускают благословение.

Второй тип... Поэты, философы говорят, что в смерти нет ничего дурного, ничего злого, это просто отдых, великий отдых, похожий на сон. Это лучше первого. По крайней мере, эти люди знают что-то за пределами тела, знают что-то, относящееся к разуму. Они потратили время не только на еду

и секс; жили не только ради того, чтобы питаться и продолжать род. Они испытали некий опыт души, они более аристократичны, более культурны. Они говорят, что смерть похожа на великий отдых, что человек устает, поэтому он умирает и отдыхает. Смерть – это покой. Но и эти люди далеки от истины.

Но те, кто узнал жизнь в ее глубочайшей сути, говорят, что смерть – это бог. Это не только отдых, это воскресение, новая жизнь, новое начало, открытие новых врат.

Когда суфийский мистик Баязид был при смерти, вокруг него собрались его ученики. Они были поражены, потому что, когда пришло последнее мгновение жизни, лицо его просияло, засветилось. Он был окружен прекрасной аурой. Баязид был замечательным человеком, и его ученики всегда чувствовали вокруг него эту ауру, но такого яркого сияния они еще не видели. Они спросили:

– Баязид, скажи нам, что случилось с тобой? Что происходит? Передай нам свое последнее послание, прежде чем покинешь нас.

Он открыл глаза и сказал:

– Бог приветствует меня. Я иду в его объятия. Прощайте.

Он закрыл глаза, его дыхание остановилось. И в то мгновение, когда дыхание остановилось, случилась вспышка света, вся комната наполнилась светом, и затем он исчез.

Когда человек узнает в себе трансцендентное, смерть для него – не что иное, как лицо бога. Тогда смерть танцует с ним. И пока вы не сможете праздновать саму смерть, помните: вы упустили жизнь. Вся жизнь – это подготовка к запредельному. Таков смысл этой красивой истории.

Рабби Бирнхам находился при смерти, и его жена разразилась слезами.

Он сказал: «Почему ты плачешь?»

Вся моя жизнь была лишь для того, чтобы я научился умирать».

Вся его жизнь была лишь подготовкой, приготовлением, чтобы научиться секретам умирания.

Все религии – не что иное, как наука, искусство, обучающее вас умирать. И единственный способ научить вас умирать – это научить вас жить. Жизнь и смерть нераздельны. Если вы знаете, что такое правильная жизнь, вы узнаете и что такое правильное умирание.

Поэтому первое и самое главное – это жить.

Позвольте рассказать вам кое-что. Первое: ваша жизнь – это именно ваша жизнь, не чья-то еще. Поэтому не позволяйте другим доминировать над вами и диктовать вам – это предательство жизни. Если вы позволите другим диктовать вам – будь то ваши родители, общество, система образования, политики, священники – кто бы то ни был, если вы поз-

волите другим доминировать над вами, вы упустите жизнь. Потому что доминирование приходит снаружи, а жизнь – у вас внутри. Они никогда не соприкасаются.

Я не утверждаю, что нужно говорить «нет» всем и каждому. Это тоже не очень помогает. Есть два типа людей. Первый – тип послушного человека, готового сдаться любому. У таких людей нет независимой души, они незрелы, подобны ребенку, всегда ищут фигуру отца, кого-то, кто подскажет им, что можно и что нельзя. Они не способны доверять своему собственному существу. Эти люди составляют большую часть мира, толпу.

В противовес этим людям существует меньшинство, которое отвергает общество, отвергает общественные ценности. Они думают, что они бунтари. Но это неправда, они просто реакционеры. Даже если вы прислушиваетесь к мнению общества или отвергаете его, если при этом общество продолжает так или иначе быть определяющим фактором, это значит, что оно управляет вами.

Я расскажу вам анекдот.

Однажды Мулла Насреддин на некоторое время уехал из родного города, а вернулся с отпущенной длинной бородой. Естественно, друзья начали дразнить его и спрашивать, как случилось, что он приобрел этот кусок меха. Мулла стал жаловаться и проклинать бороду в недвусмысленных выражениях. Друзья удивились, услышав, как он разговаривает с бо-

родой, и спросили его, почему он продолжает ее носить, если она ему не нравится.

– Ненавижу эту проклятую штуковину! – сказал им Мулла.

– Почему же ты не сбреешь ее, если так ее ненавидишь? – спросил один из его друзей.

– Потому что, – в глазах Муллы блеснул дьявольский огонек, – моя жена ее тоже ненавидит!

Но это не делает вас свободными. Хиппи, яппи и остальные – все они ненастоящие бунтари, они реакционеры. Они реагируют против общества. Одни послушны, другие непослушны, но центр доминирования все тот же. Кто-то повинуется, кто-то не повинуется, но никто не заглядывает в свою собственную душу.

Настоящий бунтарь – тот, кто ни за общество, ни против него; кто просто проживает свою жизнь согласно своему собственному пониманию. Идет ли он против общества или вместе с обществом – неважно. Иногда он может соглашаться с обществом, иногда может идти против него, но он не считается с ним. Такой человек живет согласно своему пониманию и в согласии со своим собственным светом. И я вовсе не говорю, что он эгоистичен. Нет, он очень скромный. Он знает, что его свет очень мал, но этот свет – это все, что у него есть. Он не несгибаемый, он очень смиренный. Он говорит: «Я могу ошибаться, но, пожалуйста, позвольте мне

ошибаться в согласии с самим собой».

Это единственный способ учиться. Совершать ошибки – это единственный способ учиться. Двигаться согласно собственному пониманию – единственный способ вырасти и стать зрелым. Если вы всегда смотрите на кого-то, кто диктует вам, повинуетесь вы или нет, – неважно. Если вы смотрите на кого-то, кто диктует, когда вы решаете, «за» или «против», вы никогда не узнаете, что такое жизнь. Ее нужно прожить; и вам нужно следовать своему маленькому свету.

У вас не всегда будет уверенность в том, как поступать. Вы можете запутаться. Пусть будет так. Но найдите выход из этой путаницы. Слушать других – дешево и легко, потому что они могут передать вам мертвые догмы, они могут передать вам заповеди: «Делай это, не делай то». И они уверены в истинности своих заповедей. Но не нужно искать уверенности, нужно искать понимания. Если вы ищете уверенности, вы окажетесь жертвой той или иной ловушки. Не ищите уверенности, ищите понимание. Уверенность дать легко, каждый может дать ее. Но, в конце концов, вы проиграете. Вы потратите свою жизнь ради безопасности и уверенности – а в жизни нет уверенности и нет безопасности.

Жизнь небезопасна. Каждое мгновение – это движение во все большую и большую небезопасность. Это рулетка. Никогда не знаешь, что произойдет. И в этом красота – в том, что никогда не знаешь. Если бы жизнь была предсказуема, она не стоила бы того, чтобы быть прожитой. Если бы все было так,

как вы хотите, и все было бы определено, вы совсем не были бы человеком, вы были бы машиной. Только для машин все определено и безопасно.

Человек живет в свободе, а свобода требует уязвимости и неопределенности. По-настоящему разумный человек всегда сомневается, потому что он живет не по догме. У него нет жизненных догм. Ему нужны внимательность и восприимчивость. Лао-цзы говорит: «Я сомневаюсь и двигаюсь по жизни бдительно, потому что не знаю, что произойдет. И у меня нет никаких принципов, которым я следую. Мне приходится выбирать каждое мгновение. Я никогда не решаю заранее. Когда приходит это мгновение, тогда я и выбираю!»

Нужно быть очень чутким, отзывчивым. Вот что такое ответственность. Ответственность – это не обязательство, не обязанность, это способность отвечать. Тот, кто хочет познать жизнь, должен быть отзывчивым. Людям не хватает этого. Столетия обусловленности сделали вас подобными машине. Вы утратили свою человечность, вы заключили сделку, чтобы получить безопасность. Вы живете в безопасности, в комфорте, но вся ваша жизнь спланирована другими. Они все занесли на карту, все измерили. И это очень глупо, потому что жизнь неизмерима, ее нельзя измерить. Невозможно иметь карту жизни, потому что жизнь – это постоянно текущий поток. Все непрерывно меняется. Нет ничего постоянного, кроме перемен. Гераклит сказал: «Нельзя дважды войти в одну реку».

И жизнь движется зигзагом. Ее путь не похож на железнодорожную колею. Нет, жизнь не движется по колее. И в этом ее красота, ее величие, ее поэзия, ее музыка – в том, что жизнь всегда непредсказуема.

Если вы ищете уверенности, безопасности, ваши глаза останутся закрытыми. Вы будете все реже и реже удивляться – и потом перестанете совсем. Утрачивая способность удивляться, вы теряете религию. Религия – это раскрытие сердца, готового удивляться. Религия – это способность воспринимать таинство, которое окружает нас.

Не ищите безопасности, не ищите советов, как прожить жизнь. Люди приходят ко мне и спрашивают: «Ошо, скажи, как нужно прожить жизнь?» Вы не хотите знать, что такое жизнь, вас интересует ее модель, образец. Вы стремитесь убить жизнь, а не прожить ее. Вы хотите предписаний, которые будут даны свыше.

Они есть! Священники и политики по всему миру только и ждут вас. Идите – они дадут вам сколько угодно предписаний. Они навязывают другим свои идеи и наслаждаются властью.

Но я здесь не для этого. Я здесь для того, чтобы помочь вам стать свободными. И когда я говорю это, я имею в виду, что хочу помочь вам стать свободными также и от меня. Я принимаю вас и посвящаю вас в *саньясу*, чтобы помочь вам стать абсолютно свободными от любой догмы, от любых священных писаний, от любой философии, и в том числе я хочу

помочь вам стать свободными и от меня. *Саньяса* парадоксальна, как сама жизнь, – она должна быть такой. Именно тогда она реальна.

Поэтому, прежде всего, не спрашивайте никого, как вам прожить жизнь. Жизнь драгоценна. Проживайте ее. Я не говорю, что вы не будете совершать ошибок, – вы будете их совершать. Но не совершайте одну и ту же ошибку дважды. Одного раза достаточно. Если вы способны каждый день находить себе новую ошибку, совершайте ее. Но не повторяйте ошибок, это глупо. Человек, который может найти новые ошибки, будет постоянно расти – это единственный способ учиться, единственный способ прийти к своему внутреннему свету.

Я слышал, однажды ночью Аухади из Кермана, великий мусульманский поэт, сидел на крыльце, наклонившись над ведром. Мимо проходил Шамс-из-Тебизи, великий суфийский мистик.

– Что ты делаешь? – взглянув на него, спросил Шамс-из-Тебизи.

– Созерцаю Луну в ведре воды, – ответил тот.

Шамс-из-Тебизи разразился бурным, безудержным смехом. Аухади стал чувствовать себе неловко, начала собираться толпа... Он спросил:

– В чем дело? Почему ты смеешься надо мной?

Шамс-из-Тебизи ответил:

– Пока ты не свернул себе шею, не лучше ли посмотреть на Луну прямо в небе?

Луна здесь, во всей своей полноте, а этот поэт сидит над ведром с водой и смотрит на ее отражение!

Искать истину в священных писаниях, искать истину в философии – значит смотреть на отражение. Если вы спрашиваете кого-то, как вам прожить жизнь, вы ищете неправильного руководства, потому что человек может говорить только о своей собственной жизни. А две жизни никогда не бывают похожи. Что бы он ни говорил, чтобы он ни передавал вам, это будет относиться только к его собственной жизни – и то, только в том случае, если он прожил это. Возможно, он узнал это у кого-то еще, следовал за кем-то другим, кого-то копировал. Тогда это – отражение отражения. Люди веками занимаются тем, что отражают отражения отражений. Но настоящая Луна всегда ждет вас только в небе. Это ваша Луна, ваше небо – смотрите напрямую. Пусть ваш взгляд будет непосредственным. Зачем вам нужны мои глаза или чьи-то еще? У вас есть глаза, прекрасные глаза, чтобы видеть все напрямую. Зачем заимствовать понимание у кого-то другого? Помните: я могу обладать пониманием, но как только вы его заимствуете, для вас оно становится знанием – это уже не понимание.

Понимание – это то, что пережито на собственном опыте. Если я смотрел на Луну, для меня это может быть понима-

нием, но когда я говорю об этом вам, это становится лишь знанием. Это уже не понимание – это просто слова, нечто, относящееся к языку. А язык обманчив.

Я расскажу вам анекдот.

Фермер, разводивший кур, был недоволен приплодом в своем курятнике и решил для подъема продуктивности применить законы психологии. Он купил пестрого говорящего попугая и посадил его на насест. Куры, конечно же, были очарованы прекрасным незнакомцем и с радостным кудахтаньем указывали ему на самые лакомые кусочки и вообще обхаживали его, как стайка девчонок-подростков новую поп-звезду. К восхищению фермера, они даже стали нести больше яиц.

Местный петух, полный ревности от недостатка внимания со стороны своего гарема, набросился на смазливую нахала и стал выдирать клювом и когтями одно красно-зеленое перо за другим. Перепуганный попугай в ужасе закричал: «Прекратите, сэр! Умоляю, прекратите! Я здесь просто на правах профессора лингвистики!»

Многие люди проживают жизнь, словно профессора лингвистики. Это самый фальшивый способ жить. Реальность не нуждается в языке, она доступна вам на невербальном уровне. Вот Луна – не нужны ни ведро, ни вода, не нужны никакие посредники. Нужно лишь взглянуть на нее – это бес-

словесное общение. Вам доступна вся жизнь. Нужно просто научиться общаться с ней без слов.

Вот что такое медитация – быть в пространстве, которое не затронуто языком, где заученные понятия не встают между вами и реальностью.

Если вы любите женщину, не думайте о том, что другие говорили о любви, потому что это станет препятствием. Если вы любите, любовь здесь, забудьте обо всем, что вы знали о любви. Забудьте обо всяких Кинси, Мастерсах и Джонсонах, забудьте обо всяких Фрейдах и Юнгах. Не превращайтесь в профессора лингвистики. Просто любите и позвольте любви быть. И пусть любовь ведет вас и направляет в свои самые сокровенные глубины, в свои тайны. Тогда вы сможете узнать, что такое любовь.

Все, что другие говорят о медитации, бессмысленно. Однажды я наткнулся на книгу о медитации, написанную святым джайном. Книга была действительно прекрасной, но в ней было несколько мест, по которым я понял, что этот человек никогда сам не медитировал, – иначе их просто не было бы. Правда, таких мест было всего несколько. В целом, почти на девяносто девять процентов, книга была безупречной. Мне она понравилась.

Потом я забыл о ней. Десять лет я путешествовал по стране. И однажды в одной из деревушек Раджастана тот святой пришел, чтобы встретиться со мной. Его имя показалось знакомым, и вдруг я вспомнил его книгу. Я спросил, зачем

он пришел. Он сказал: «Я пришел, чтобы узнать, что такое медитация». Я ответил: «Я помню вашу книгу. Я помню ее очень хорошо, потому что она произвела на меня впечатление. За исключением нескольких недостатков, показывающих, что вы никогда не медитировали, книга совершенно правильная – правильная на девяносто девять процентов. И сейчас вы пришли сюда, чтобы узнать о медитации. Вы никогда не медитировали?»»

Он смутился, потому что его ученики тоже были там. Я сказал: «Будьте откровенным. Потому что, если вы скажете, что знаете медитацию, я не стану говорить об этом. Конечно! Вы знаете. В этом нет необходимости. Если вы откровенно скажете – хотя бы раз будьте откровенными – если вы скажете, что никогда не медитировали, только тогда я смогу вам помочь в медитации». Это была сделка, поэтому ему пришлось признаться. Он сказал: «Да, я никогда никому не говорил об этом. Я прочитал много книг о медитации, все древние священные писания. И я учил других – вот почему я чувствую смущение перед своими учениками. Я учил медитации тысячи людей, я писал о медитации книги, но я никогда не медитировал».

Вы можете написать о медитации целые книги, но никогда не встретиться с пространством медитации. Вы можете быть очень убедительными в словах, вы можете стать очень искусными в абстракциях, в умных доводах, но вы можете забыть совершенно, что все то время, пока вы оставались вовлечен-

ными в эту интеллектуальную деятельность, было растрчено впустую.

Я спросил старика: «Как долго вы интересуетесь медитацией?» Он ответил: «Всю свою жизнь». Ему было почти семьдесят. Он сказал: «Когда мне было двадцать, я принял *саньясу*, я стал джайнским монахом. С тех пор пятьдесят лет я читал и читал, и думал о медитации».

Пятьдесят лет размышления, чтения и писательства на темы медитации; обучения людей медитации – и при этом сам он ни разу не испытал, что такое медитация!

Так поступают миллионы людей. Они говорят о любви, они знают всю поэзию о любви, но они никогда не любили. Даже если они думали, что любят, они не любили. Их любовь была от головы – не от сердца. Люди продолжают жить, упуская жизнь. Жизнь требует храбрости. Нужна храбрость, чтобы быть реалистом, нужна храбрость, чтобы двигаться с жизнью туда, куда она ведет, потому что ее пути не размечены, карты не существует. И нужно идти в неизвестное.

Жизнь можно понять, только если вы готовы идти в неизвестное. Цепляясь за известное, вы цепляетесь за ум, а в уме нет жизни. Жизнь не ментальна, не интеллектуальна, она тотальна. В вашей жизни должна быть тотальность, нельзя просто думать о жизни. Думать о жизни не значит жить. Берегитесь этих «мыслей о...». Вы продолжаете думать о том и о сем. Есть люди, думающие о боге, есть люди, думающие о

жизни, есть люди, думающие о любви. Есть люди, думающие о том и о другом.

Состарившись, Мулла Насреддин пришел к врачу. Он выглядел очень слабым, и врач сказал ему:

– Здесь поможет только одно. Вам нужно сократить свою любовную жизнь в два раза.

– Хорошо, – сказал Мулла, – в два раза меньше о ней говорить или в два раза меньше думать?

Самое главное – не становитесь профессором лингвистики, не становитесь попугаем. Попугаи – это профессора лингвистики. Они живут словами, понятиями, теориями, теологиями, а жизнь продолжает проходить мимо, ускользая у них из рук. Потом они вдруг начинают бояться смерти. Если человек боится смерти, знайте наверняка – он упустил жизнь. Если бы он не упустил жизнь, не было бы никакого страха смерти. Человек, который прожил свою жизнь, будет готов прожить и свою смерть. Он будет даже почти очарован явлением смерти.

Когда Сократ умирал, он был так очарован, что его ученики не понимали, из-за чего он так счастлив. Один из его учеников, Кредо, спросил:

– Почему ты так счастлив? Мы плачем и рыдаем.

Сократ ответил:

– Почему мне не быть счастливым? Я узнал, что такое жизнь, сейчас я хочу узнать, что такое смерть. Я у дверей великой тайны, и я взволнован. Я отправляюсь в великое путешествие в неизвестное. Я просто переполнен удивлением! Я не могу ждать!

Заметьте, Сократ не был религиозным. Уж, во всяком случае, он не был верующим. Кто-то спросил:

– Ты так уверен в том, что душа переживет смерть?

Сократ ответил:

– Я не знаю.

Ответ «Я не знаю» требует огромной храбрости. Профессорам лингвистики очень трудно ответить: «Я не знаю». Попугаям это трудно. Сократ очень искренний и честный человек. Он ответил: «Я не знаю».

Затем ученик спросил:

– Почему тогда ты так счастлив? Если душа не переживет смерть?

Сократ сказал:

– Мне надо проверить. Если я выживу, то бояться нечего. Если не выживу, то страха тоже не будет. Если я не выживу, тогда откуда появится страх? Я не выживу – меня не будет. Тогда откуда появится страх? Если никого нет, страх не может существовать. Если я выживу – я выживу. Нет никакого смысла бояться. Но я в точности не знаю, что произойдет. Вот почему я так полон удивления и готов идти в это. Я не знаю.

По моему мнению, религиозный человек должен быть именно таким. Религиозный человек – это не христианин, не индуист, не буддист, не мусульманин. Все это пути знания. Христианин говорит: «Я знаю». И его знание исходит из христианских догм. Индуист говорит: «Я тоже знаю». И его знание исходит из «Вед» и «Гиты» и его догм. Индуист против христианина, потому что он говорит: «Если я прав, ты не можешь быть прав. Если ты прав, тогда я не могу быть прав». Поэтому так много споров, так много дискуссий, дебатов и ненужных конфликтов.

Религиозный человек, действительно религиозный человек, а не так называемые религиозные люди, это тот, кто говорит: «Я не знаю». Говоря: «Я не знаю», вы открыты, вы готовы учиться. Когда вы говорите: «Я не знаю», у вас нет никаких предрассудков. У вас нет верований, нет никакого знания. У вас есть только осознанность. Вы говорите: «Я осознаю, и я посмотрю, что будет. Я не стану держаться ни за какие догмы из прошлого».

Это отношение ученика, отношение того, кто хочет учиться. Дисциплина означает обучение. Ученик – это учащийся, тот, кто готов учиться, а дисциплина означает обучение¹.

Я здесь не для того, чтобы обучать вас каким-то догмам. Я не передаю никакого знания. Я просто помогаю вам увидеть

¹ В английском языке *disciple* (ученик) и *discipline* (дисциплина) – однокоренные слова. – Здесь и далее примеч. ред.

то, что есть. Живите своей жизнью, чего бы это ни стоило. Будьте готовы рискнуть ради жизни.

Один бизнесмен шел пообедать из офиса в ресторан, как вдруг его остановил незнакомец и сказал:

– Не думаю, что вы меня помните, но десять лет назад я приехал в этот город нищим. Я попросил у вас денег в долг, и вы дали мне двадцать долларов; вы сказали, что хотите дать человеку с улицы возможность преуспеть.

Бизнесмен подумал немного и сказал:

– Да, я помню этот случай. И что же?

– Ну, – сказал незнакомец, – вы все еще хотите рискнуть?

Жизнь снова и снова задает одни и те же вопросы. «Вы все еще хотите рискнуть?» Никогда нет уверенности. В жизни нет страховки, это просто открывание себя, дикое хаотичное раскрытие. Вы можете выстроить вокруг себя маленький, безопасный домик, но он окажется вашей могилой. Живите вместе с жизнью.

Мы пытаемся обеспечить безопасность множеством разных способов. Брак – это творение человека, любовь же – это часть жизни. Когда вы окружаете любовь браком, возникает безопасность. Но вы пытаетесь сделать то, что сделать невозможно, – любовь невозможно узаконить. Вы пытаетесь сделать невозможное, и если в результате этих усилий любовь умирает – что тут удивительного? Вы становитесь мужем, ваша возлюбленная становится женой. Вы больше не два жи-

вых человека, вы два функционера. У мужа есть определенные функции, у жены есть определенные функции: у каждого свои обязанности. И жизнь прекращает течь, она замерзает.

Посмотрите на супругов. Вы увидите двух замороженных людей, сидящих бок о бок и не знающих, что они здесь делают, почему они здесь. Может, им просто некуда идти.

Когда между двумя людьми есть любовь, нечто течет, движется, меняется. Когда между двумя людьми есть любовь, они живут в особой атмосфере, которую всегда разделяют друг с другом. Они чувствуют друг друга, передают друг другу свое существо. Между ними нет стены; их двое, но в то же время и не двое – они едины.

Муж и жена далеки друг от друга настолько, насколько это вообще возможно, даже если они сидят совсем близко друг к другу. Муж никогда не слушает, что говорит жена, он давно оглох. Жена никогда не видит, что происходит с мужем, она давно ослепла. Они принимают друг друга как должное, они превратились в вещи. Они больше не люди, потому что люди – открыты, не уверены, они всегда меняются. Но супруги – это фиксированные роли. Они умерли в тот день, когда поженились. С того самого дня они больше не жили.

Я не говорю, что не нужно заключать браки, но помните: любовь – это нечто живое. Если она умирает, брак не поможет. И то же самое справедливо во всем в жизни, абсолютно во всем. Вы можете либо проживать что-то – но тогда вам

придется жить с сомнением, не зная, что произойдет в следующее мгновение, – либо цепляться за уверенность и определенность.

Есть люди, которые стали во всем настолько уверенными, что никогда не удивляются. Таких людей удивить невозможно. А я здесь для того, чтобы передать послание, которое очень удивительно. Вы не можете поверить в это, я знаю. Вы не можете в это поверить. Но я здесь для того, чтобы рассказать вам нечто совершенно невероятное – что вы боги и богини, вы просто позабыли об этом.

Еще один анекдот.

Гарви Файерстоун, Томас А. Эдисон, Джон Барроу и Генри Форд остановились на сельской заправочной станции зимой по пути во Флориду.

– Нам нужны лампочки для фар, – сказал Форд. – И, кстати, здесь, в машине, сидит Томас Эдисон, а я Генри Форд.

Старый служащий даже не поднял глаз, только с видимым удовольствием сплюнул жевательный табак.

– И мы хотели бы купить новую шину, если у вас есть шины Файерстоун, – продолжал Форд. – А вот этот другой парень в машине – сам Гарви Файерстоун.

Тот снова промолчал и начал прилаживать шину к колесу.

– Как поживаешь, старина? – высунул из окна голову с длинной белой бородой Джон Барроу.

Тут старик оживился. Он взглянул на Барроу и сказал:

– Если ты скажешь мне, что ты Санта-Клаус, будь я проклят, если я не разобью тебе череп этим гаечным ключом!

Он не поверил, что в одной машине ехали Гарви Файерстоун, Томас А. Эдисон, Джон Барроу и Генри Форд. А они были друзьями и привыкли путешествовать вместе.

Когда я говорю вам, что вы боги и богини, вы этому не верите, потому что вы совершенно забыли, кто путешествует вместе с вами, кто сидит у вас внутри, кто слушает меня. Забыли совершенно. У вас снаружи навешено столько ярлыков, и вы в них верите – в свое имя, в свою религию, в свою страну – но все это фальшивки! Если вы не знаете себя – не имеет никакого значения, индуист вы, христианин или мусульманин. Эти ярлыки не имеют никакого смысла за исключением того, что их просто удобно использовать. Какая разница – индуист вы, христианин, мусульманин, индус, американец или китаец? Как это помогает вам познать свое существо? Все это неуместно, потому что ваше существо не является индийским, китайским, американским, индуистским, мусульманским или христианским. Ваше существо – это просто чистая *есть-ность*.

Чистая есть-ность – вот что я называю богом. Если вы постигли свою внутреннюю божественность, вы поняли, что такое жизнь. Если нет – значит, вы пока не смогли разгадать жизнь. Таково мое послание. Вся жизнь целиком постоянно указывает на то, что вы боги. Как только вы это поймете,

смерти не станет. Тогда вы усвоите урок. Тогда в смерти боги вернутся домой.

Рабби Бирнхам находился при смерти, и его жена разразилась слезами.

Он сказал: «Почему ты плачешь?»

Вся моя жизнь была лишь для того, чтобы я научился умирать».

Вся эта жизнь – это просто тренировка, обучение тому, как вернуться назад домой, как умереть, как исчезнуть. Потому что в то мгновение, когда вы исчезнете, в вас появится бог. Ваше присутствие – это отсутствие бога, ваше отсутствие – это его присутствие.

(Из книги «Искусство умирания», беседа 1)

Отбрасывайте прошлое каждое мгновение

Смерть уже происходит. Сталкиваетесь вы с ней или нет, смотрите вы ей в лицо или нет, она уже здесь. Она подобна дыханию. Когда ребенок рождается, он вдыхает, делает свой первый вдох. Это начало жизни. И когда однажды он станет стариком и умрет, он сделает выдох. Смерть всегда происходит на выдохе, а рождение – на вдохе. Но вдох и выдох происходят постоянно. С каждым вдохом вы рождаетесь, с каждым выдохом умираете.

Поэтому прежде всего надо понять, что смерть не ждет вас где-то в будущем, как это всегда изображается. Смерть – это часть жизни; это продолжительный процесс – не в будущем, но здесь, сейчас. Жизнь и смерть – две стороны бытия, происходящие одновременно.

Обычно вас приучали думать, что смерть против жизни. Но смерть не против жизни – жизнь невозможна без смерти. Смерть – это само основание, на котором покоится жизнь. Смерть и жизнь – как два крыла. Птица не может лететь на одном крыле, и человек не может жить без смерти. Поэтому, прежде всего, необходимо ясное понимание того, что такое смерть.

Смерть – процесс совершенно необходимый для существования жизни. Это не враг, это друг. И она не где-то в

будущем, она здесь, сейчас. Она не произойдет в будущем, она происходит всегда. Она с вами с тех пор, как вы появились здесь. Она происходит с каждым выдохом – небольшая смерть, маленькая смерть, но из-за страха вы отодвигаете ее в будущее.

Ум всегда старается избежать вещей, которых он не в состоянии понять, а смерть – одна из самых непостижимых тайн. Есть всего три тайны – жизнь, смерть и любовь. Все они за пределами ума.

Ум воспринимает жизнь как должное – и тогда нет необходимости исследовать. Это способ избегать жизни. Вы никогда не думаете, вы никогда не созерцаете жизнь, вы просто приняли ее и считаете, что так и должно быть. Но жизнь – огромная тайна. Вы живы, но не думайте, что вы познали жизнь.

Со смертью ум проделывает другой трюк: он ее откладывает. Принимать ее здесь и сейчас – означало бы находиться в постоянном беспокойстве. Поэтому ум откладывает ее в неопределенное будущее. Тогда нет нужды торопиться – когда она придет, тогда и посмотрим.

А для любви ум создает заменители, которые не являются любовью. Иногда вы называете любовью обладание, иногда вы называете любовью привязанность, иногда вы называете любовью доминирование. Все это – игры эго, с которыми любовь не имеет ничего общего. Фактически, эти игры делают любовь невозможной.

Река любви течет между жизнью и смертью, между двумя берегами жизни и смерти. И она возможна только для того человека, кто не принимает жизнь как должное, кто двигается в глубину, становится живым, экзистенциальным, подлинным. Любовь возможна для человека, который принимает смерть здесь и сейчас и не откладывает ее. Тогда между этими двумя берегами возникает прекрасное явление – река любви.

Жизнь и смерть – как два берега. Река любви может течь – но это лишь возможность. Ее надо воплотить. Жизнь и смерть уже существуют, но любовь нужно воплотить – в этом цель бытия человека. Пока любовь не воплотилась, вы упускаете весь смысл бытия.

Смерть уже происходит – поэтому не откладывайте ее в будущее. Если вы не откладываете ее в будущее, не возникает вопроса о том, чтобы защитить себя. Если смерть уже происходит – а она происходит постоянно – тогда встает вопрос о том, чтобы защитить себя от смерти. Смерть не убивает вас, она происходит, пока вы живы, – прямо сейчас. И она не разрушает жизнь; на самом деле, она каждое мгновение обновляет жизнь. Старые листья опадают и освобождают место для новых. Старый цветок вянет, и появляется новый цветок. Когда одна дверь закрывается, немедленно открывается другая. Вы умираете каждое мгновение, и каждое мгновение случается воскрешение.

Однажды ко мне пришел христианский миссионер и спро-

сил: «Вы верите в воскрешение Иисуса Христа?» Я сказал ему, что нет необходимости заглядывать так далеко – все воскресает каждое мгновение. Он не мог этого понять. Это трудно для людей, которые слишком погружены в собственные концепции. Он сказал: «Но ведь вы верите в то, что он был распят? Это ведь не просто миф, это реальность? Как вы думаете?» Я снова ответил ему, что любой человек каждое мгновение оказывается распятым. В этом весь смысл распятия и воскрешения Иисуса Христа. Совершенно не важно, происходило ли это в истории. Размышлять о том, произошло это или нет, просто бессмысленно – это *происходит*. Каждое мгновение прошлое оказывается распятым, старые листья опадают. И каждое мгновение в вас возникает, воскресает новое существо. Это постоянно происходящее чудо.

Второе, что нужно понять про смерть, что смерть – это единственное, что произойдет неизбежно. Все остальное неопределенно – оно может случиться, а может и не случиться. Смерть неизбежна потому, что с рождением она уже частично произошла, процесс должен завершиться – поэтому где-то впереди, в темноте должно быть его окончание, его противоположный полюс. Вы не встретились с ним потому, что вы боитесь идти в темноту. Но это неизбежно. С рождением смерть стала неизбежностью.

Когда такая уверенность проникает в ваш разум, вы расслабляетесь. Когда что-то является абсолютно ясным, волнения нет. Волнение возникает из-за неуверенности.

Понаблюдайте. Человек умирает, и он очень беспокоится. В то мгновение, когда он узнает, что смерть неизбежна, когда врачи говорят: «Теперь вас не спасти», он испытывает шок. Все его существо трепещет. Но потом это проходит, и беспокойство исчезает. Если человеку позволить узнать, что он умрет и что смерть неизбежна, с этой неизбежностью в его существо входит мир, тишина.

Каждый умирающий имеет право знать о своей смерти. Врачи часто это скрывают, думая: «Зачем его беспокоить?» Но вызывает беспокойство неопределенность, определенность – никогда. Это подвешенное состояние, эта неизвестность, когда человек гадает, умрет он или нет, – коренная причина беспокойства. Если смерть неизбежна, изменить ничего нельзя. Тогда человек просто принимает ее. И в этом принятии воцаряется спокойствие, тишина. Поэтому, если человеку позволено знать, что он умрет, в момент смерти он обретает мир.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.